The Making of Biblical Womanhood

Создание мнимой «библейской роли женщины»

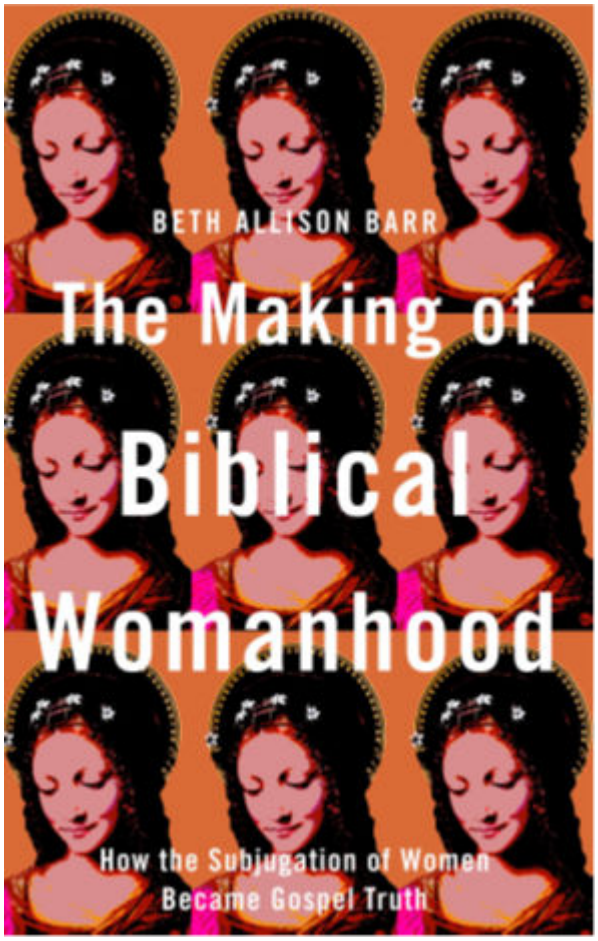
How the Subjugation of Women Became Gospel Truth

Как порабощение женщины стало евангельской истиной

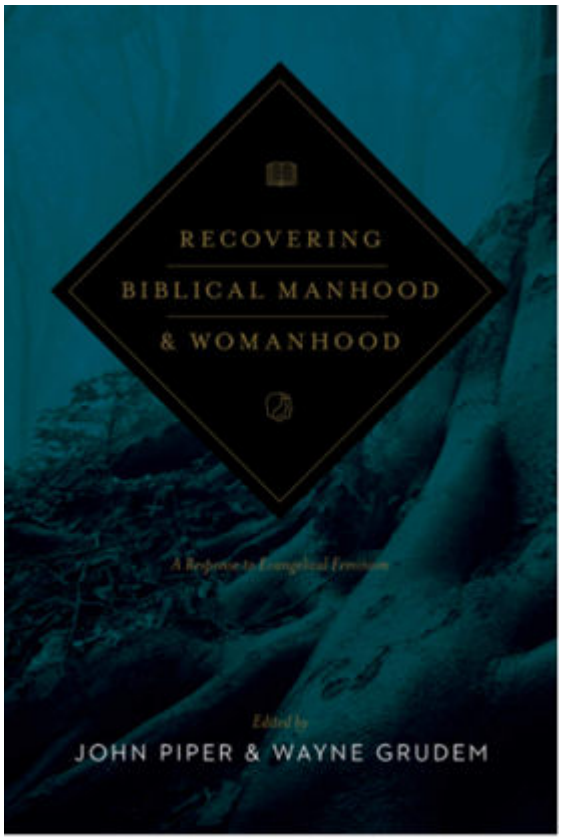
Автор: Бет Эллисон Барр (Beth Allison Barr), профессор истории (специализация — Средние века) в Бейлорском университете (Baylor University)

Beth Allison Barr · немецкий перевод: Hans-Jörg Ronsdorf · апрель 2021 · переработано в октябре 2026 года

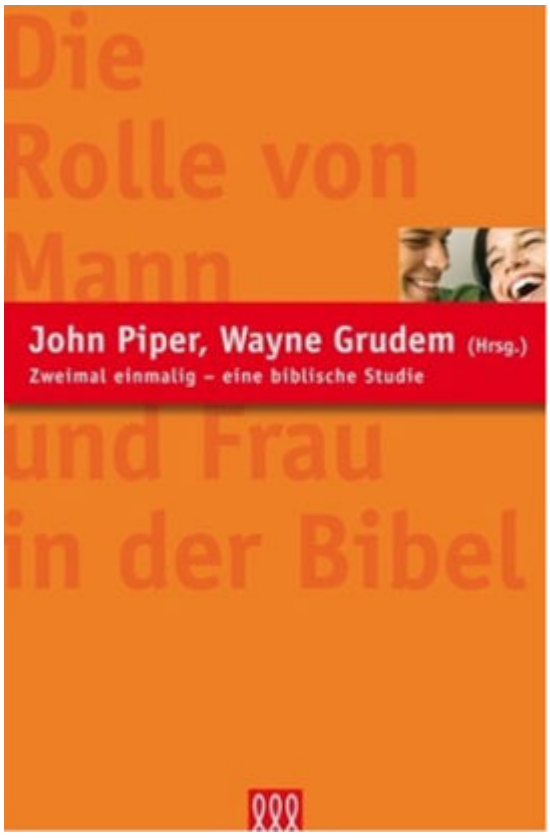
Эта книга — один из откликов на вышедшую в США в 1991 году книгу Recovering Biblical Manhood & Womanhood. Та книга отстаивает откровенно иерархическое понимание ролей мужчины и женщины в браке, церкви и обществе. С 2008 года она доступна и на немецком языке (см. ниже). Её авторы, вернее составители, — Уэйн Грудем (известный своей «Систематической теологией», которая есть и на немецком языке под названием «Biblische Dogmatik») и известный богослов Джон Пайпер.

Это отклик на следующую книгу:

На немецком языке:

https://www.3lverlag.de/schnellbestellung/289-die-rolle-von-mann-und-frau-in-der-bibel.html

Содержание

Благодарности

Введение

1. Истоки патриархата
2. Что, если «библейская роль женщины» вовсе не от Павла?
3. Наша избирательная средневековая память
4. Цена Реформации для евангельских женщин
5. Вычёркивание женщин из английской Библии
6. Освящение подчинения
7. Возведение «библейской роли женщины» в евангельскую истину
8. Не пора ли освободить женщин?

Отрывок для ознакомления: перевод главы 2 (без сносок)

Что, если наша «библейская роль женщины» не от Павла?

«Я НЕНАВИЖУ ПАВЛА!»

Не могу Вам передать, сколько раз я слышала это от своих студентов — чаще всего от молодых женщин, отмеченных, а то и прямо-таки покрытых шрамами оттого, как Павла использовали против них, когда им говорили, что они должны молчать (1 Кор. 14), подчиняться своим мужьям (Еф. 5), не учить и не осуществлять власть над мужчинами (1 Тим. 2) и трудиться дома (Тит. 2). Их учили, что Бог предназначил женщин следовать за мужским руководством (1 Кор. 11) и сосредоточиваться на семье и доме (Кол. 3; 1 Пет. 3), а всякие иные занятия, кроме семьи, должны быть для женщин второстепенными — и если уж допускаться, то чаще всего по необходимости или после того, как дети покинут дом.

Несколько лет назад ко мне в кабинет пришла студентка — якобы чтобы обсудить свою курсовую работу, но быстро стало ясно, что на самом деле она хотела обсудить своё призвание. Она спросила меня: призвал ли Вас Бог быть одновременно профессором, матерью и женой пастора? Было ли это трудно? Мучила ли Вас совесть из-за того, что Вы работали вне дома? Поддерживал ли Вас муж? Что думали люди в Вашей церкви? Она рассказала о своём разочаровании как нацеленной на карьеру христианки из консервативной среды, которая пыталась согласовать ожидания церкви и семьи со своими профессиональными целями. Недавний разговор с отцом её расстроил. Поскольку она беспокоилась о своей основной специальности, она спросила у него совета. Он попытался развеять её страхи, сказав, что её специальность не так уж важна, ведь она всё равно выйдет замуж и не будет работать. Потрясённая, она возразила: «Папа, ты правда отправляешь меня на четыре года в колледж, чтобы я никогда не воспользовалась своим дипломом?»

Отношение отца к женщинам, работающим вне дома, не является нетипичным. Как мы видели, исследование Barna 2017 года показало, что американцы в целом чувствуют себя всё спокойнее,

когда женщины занимают руководящие должности, и лучше понимают значительные препятствия, с которыми женщины сталкиваются на работе, — а вот евангельские христиане отстают. Самый, пожалуй, поразительный разрыв в евангельских установках касается женщин на определённых руководящих должностях. В 2016 году я писала, что взгляд Уэйна Грудема на женщин — что они никогда не должны осуществлять власть над мужчинами — делает для него невозможным поддержать женщину-кандидата на пост президента. Исследование Barna показывает, что я была права. Белые евангельские лидеры вроде Грудема, поддержавшие выдвижение Дональда Трампа в президенты, принадлежат к той группе, которой женщина-президент наименее приятна. По крайней мере для части евангельских и республиканских избирателей (27–35 процентов) проблема с Хиллари Клинтон заключалась не только в том, что она демократ, но и в том, что она женщина (27 процентов евангельских избирателей и 35 процентов избирателей-республиканцев заявили, что им неуютно с женщиной-президентом). Три года спустя меня не удивило, что выдвижение Элизабет Уоррен в президенты попало под тот же связанный с полом топор.

Идеи имеют последствия. Эти евангельские убеждения — почему они отстаивают незыблемость подчинения женщин — коренятся в том, как они толкуют Павла. Совет по библейскому мужеству и женственности (Council on Biblical Manhood and Womanhood) может начинать свой обзор комплементаризма[1] с Быт. 2, но его прочтение этого повествования о творении происходит из 1 Кор. 11 и 1 Тим. 2. Слова Павла определяют каждый аспект комплементарного учения. Евангелики читают Павловы тексты так, будто они устанавливают постоянные и божественно предписанные различия в ролях полов. Мужчины осуществляют власть, которой нет у женщин.

Мужчины ведут, женщины следуют. Так говорит нам Павел.

Удивительно ли, что мои студенты ненавидят Павла?

Но что, если мы неправильно прочитали Павла? В первые годы нашей работы с молодёжью мы с мужем взяли группу подростков на выходную евангелизационную конференцию. Один из ораторов открыл своё тайное евангелизационное оружие — вопрос: «А что, если ты ошибаешься?» Я уже мало что помню с той конференции, но этот вопрос засел во мне. Я нахожу его полезным в своей работе историка: что, если я ошибаюсь в своих выводах? Готова ли я заново рассмотреть доказательства? Я нахожу его полезным как преподаватель, особенно когда студент предлагает мне иную идею. Вопрос «Что, если я ошибаюсь?» помогает мне лучше слушать других. Он сохраняет во мне смирение. Он делает меня лучшим учёным.

Итак, вот мой вопрос к комплементарным евангеликам: что, если Вы ошибаетесь? Что, если евангелики понимали Павла сквозь призму современной культуры, а не так, как Павел хотел быть понятым? Евангельское движение боится, что признание руководства женщин означает уступку давлению культуры. А что, если церковь уступает давлению культуры, как раз отвергая руководство женщин? Что, если наше толкование Павла — и как следствие отстранение женщин от руководящих задач — вместо «простого и естественного» прочтения проистекает из того, что мы приспосабливаемся к окружающим нас установкам и образцам мышления? Христиане прошлого, возможно, использовали Павла, чтобы не допускать женщин к руководству, но это не значит, что подчинение женщин библейское. Это значит лишь, что христиане сегодня повторяют ту же ошибку, что и христиане прошлого, — выстраивая своё обращение с женщинами по окружающему нас миру, а не по тому миру, который Иисус показывает нам как возможный.

Поэтому, когда мои студенты говорят, что «ненавидят Павла», я отвечаю: они ненавидят не Павла; скорее они ненавидят то, как послания Павла стали основой такого понимания библейских ролей полов, которое угнетает женщин. Беверли Робертс Гавента, ведущий исследователь Павла, сетует, что евангелики потратили так много времени, «прочёсывая строки посланий Павла в поисках богословских утверждений и этических правил, которым нужно строго следовать», что мы упустили более важную цель Павла. Мы свели его призыв к единству к охране границ ради единообразия; мы променяли «радикальный характер» Тела Христова на жёсткую иерархию пола и власти. Вместо того чтобы «мыслить вместе с Павлом», как призывает Гавента, евангелики превратили Павла в оружие для собственных культурных войн. Новозаветник Бойкин Сандерс заявляет, что пора правильно понять Павла, когда речь идёт о женщинах. Жирным шрифтом под заголовком «Нет мужского пола, ни женского» он утверждает: «Урок для чёрной церкви здесь в том, что дискриминация по половому признаку в работе церкви недопустима». Павел показывает нам, что дискриминация по полу — это «возвращение к путям мира», а мы призваны в «новый мир Евангелия распятого Христа».

Правда — евангельская реальность — состоит в том, что мы так сосредоточились на том, чтобы приспособить Павла к себе, что забыли приспособиться к тому, к чему призывает нас Павел: быть едиными во Христе. Вместо того чтобы избрать лучшее и ухватиться за «новый мир Евангелия распятого Христа», мы решили и дальше делать то, что люди делали всегда: строить собственную башню иерархии и власти.

Потому что мы можем читать Павла иначе

Мою любимую проповедь о браке написал священник, живший в Средние века. Немногие знают его имя, хотя Дороти Л. Сэйерс покорила моё сердце, процитировав его в своей классической детективной повести «The Nine Tailors» (по-немецки «Die neun Schneider»; ещё одна моя любимая книга). Его звали Джон Мирк, и он жил на западе Англии в конце четырнадцатого и начале пятнадцатого века. Его сборник проповедей, Festial, стал в Англии популярным — настолько популярным, что первое издание официальных протестантских проповедей в 1547 году было отчасти написано для того, чтобы противодействовать его влиянию. Есть свидетельства того, что проповеди из Festial печатались вплоть до самого кануна Реформации и что, несмотря на его католическое вероучение, Festial продолжали проповедовать в течение всего правления королевы Елизаветы I.

Послушайте, как в этой проповеди из Festial описываются супружеские отношения между мужем и женой: «Итак, по заповеди Божьей мужчина должен взять себе жену одного с ним возраста, одного сословия и одного рождения». Текст продолжает: «Поэтому мужчина должен оставить отца и мать и прийти к ней как к части самого себя, и она должна любить его, а он её, истинно друг с другом, и двое будут одна плоть». Проповедь подчёркивает не иерархию, а то, как муж и жена должны любить «истинно друг с другом» и стать «одной плотью». Благословляя кольцо жены, священник объясняет, что оно «представляет Бога, у Которого нет ни начала, ни конца, и надевает его ей на палец, в котором есть жила, идущая к её сердцу, чтобы показать, что она должна любить Бога превыше всего, а затем своего мужа». Кольцо возвещает, что верность жены принадлежит прежде всего Богу, а затем её мужу. Хотя проповедь наполнена местами Писания и обильно цитирует Быт. 1–3, а также Мф. 22 и Ин. 2, Павла она не цитирует. В ней нет ссылки на Послание к Ефесянам, к Колоссянам, к Титу или даже на Первое послание Петра — но-

возаветные писания, которые, как известно, содержат призыв к жёнам подчиняться своим мужьям. Эти новозаветные отрывки, известные как «домашние кодексы» (Haustafeln)[2] (Еф. 5:21–6:9; Кол. 3:18–4:1; 1 Пет. 2:18–3:7; Тит. 2:1-10), господствуют в современных дискуссиях о ролях полов и заложили основу для изменения, внесённого в 1998 году дополнением к «Baptist Faith and Message», согласно которому жёны должны «благосклонно подчиняться» власти своих мужей. Но средневековая проповедь Мирка «придаёт очень мало значения подчинению жены как основе доброй жизни в браке», отмечает историк Кристина Питерс. Мирк не заявляет, что жена должна повиноваться мужу. Более того, его проповедь подчёркивает, что Ева попала в беду именно потому, что слишком любила своего мужа, и поэтому обручальное кольцо — не символ того, что жена принадлежит мужу, а напоминание жёнам ставить Бога на первое место.

В своих исследованиях я обнаружила, что в проповедях позднесредневековой Англии редко проповедовали на те отрывки Павла, против которых восстают мои студенты. Это серьёзное отличие от проповедей в современном евангельском мире — и довольно неожиданное, если учесть, что средневековый мир был так же склонен к патриархату, как античный и наш современный мир (подробнее об этом в следующей главе). Это также серьёзное отличие от того, чему нас учили о писаниях Павла о женщинах, — будто на протяжении всей христианской истории они непрерывной красной нитью использовались для поддержания Божьего замысла, согласно которому мужчины должны вести, а женщины следовать.

Это просто неправда. Возьмите, например, католицизм. Евангелики, кажется, думают: раз католическая традиция не рукополагает женщин, она тоже должна опираться на Павла, чтобы обосновать главенство мужа в браке. Это не так или, по крайней мере, не последовательно так. Религиовед Даниэль Сир поясняет: «В католической традиции никогда не было традиции формального учения, одобряющего [супружеское] подчинение». Историк-медиевист Алкуин Бламирес описывает «мучительные парадоксы» (как практические, так и библейские), которые преследовали средневековые католические учения о поле, власти и Теле Христовом. Например, поскольку мужья грешили, они часто оказывались плохими руководителями для своих жён — и тем самым размывали для средневековых проповедников «базовую линию» мужской власти. Как утверждал один текст начала пятнадцатого века, жена не должна слепо следовать за мужем, потому что — как сказано в брачной проповеди Мирка — она прежде всего обязана верностью Иисусу как своему «главнейшему супругу». Для средневековых женщин Иисус как Глава мог превзойти власть мужа; иногда женщины даже могли брать на себя руководство. Пётр Абеляр, знаменитый схоласт двенадцатого века, обсуждает библейскую историю о женщине, помазавшей Иисуса миром (Мф. 26:6-13; Мк. 14:3-9; Лк. 7:37-50). Абеляр пишет, что когда «женщина, а не мужчина соединена с главой Христа», она «фактически поставляет Его как «Христа»». Позволяя женщине помазать Себя миром, Иисус упраздняет мужское господство — Он позволяет женщине сделать то, что до того момента могли делать только мужчины: помазать царя. Бламирес описывает аргумент Абеляра как «поразительное смещение привычного соотношения полов, при котором тело — женское, а голова — мужская». Помазание Иисуса женщиной для Абеляра — это «наречение имени», пишет Бламирес. «Именно эта женщина помазывает Святого святых во Христа». Я могла бы сказать ещё очень многое, но суть вот в чём: несмотря на евангельскую одержимость главенством мужчины, христиане прошлого и настоящего были в этом гораздо менее уверены. Позиция Папы Иоанна Павла II в его апостольском послании 1988 года («Mulieris dignitatem») — хороший тому пример. Он указывает, что использование писаний Павла в Еф. 5 для оправдания муж-

ского господства и женского подчинения в браке было бы тем же самым, что и использование этих отрывков для оправдания рабства.

Потому что Павлу никогда не было важно подчёркивать подчинение жён

Итак, давайте поговорим о подчинении жён — идее, которую евангелики выводят из новозаветных домашних кодексов. Как мы видели, исторический контекст указывает на то, что подчинение жён не было целью писаний Павла, в том числе и домашних кодексов. Что, если Павел включил домашние кодексы не для того, чтобы предписать христианам, как следовать иерархии полов Римской империи, а для того, чтобы научить их жить в своём римском окружении иначе? Что, если домашние кодексы можно читать не как новозаветные «тексты ужаса» для женщин, а как сопротивление римскому патриархату?

Если понимать их буквально (как «простое и буквальное толкование»), домашние кодексы, кажется, освящают римскую патриархальную структуру: власть paterfamilias (мужа/отца) над женщинами, детьми и рабами. Текст в Кол. 3 хорошо это показывает: «Жёны, подчиняйтесь своим мужьям, как подобает в Господе. Мужья, любите своих жён и не будьте к ним жестоки. Дети, слушайтесь родителей во всём, ибо это угодно в Господе. Отцы, не раздражайте своих детей, чтобы они не падали духом.

Рабы, во всём слушайтесь своих господ по плоти, не с видимой только услужливостью, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Господа» (Кол. 3:18-22; перевод с немецкой Эльберфельдской Библии).

На случай, если Вы мало знаете о римском патриархате: мужская опека была римским законом. Жёны были юридически обязаны подчиняться власти своих мужей; незамужние женщины были обязаны подчиняться власти своих отцов или ближайших родственников-мужчин; женщины не могли владеть собственностью или самостоятельно вести дела; женщины не могли совершать юридических или финансовых сделок без того, чтобы мужчина действовал от их имени. С этой исторической точки зрения неудивительно находить в римских текстах первого века (в Новом Завете) рассуждения о жёнах, отражающие жизненную реальность жён в римском мире первого века. Принятое Павлом указание, что жёны должны быть покорны своим мужьям, — это именно то, чего ожидал бы римский мир.

Мы, современные евангелики, просто этого не понимаем.

Павел не говорил первым христианам, что они должны быть такими же, как все остальные; он говорил им, что как христиане они должны быть иными. Рэйчел Хелд Эванс описывает христианские домашние кодексы как «ремикс Иисуса» на римский патриархат. Исследования показывают, что понятие «ремикс» — хорошее описание. Новозаветницы Кэролин Осиек и Маргарет Макдональд, например, утверждают, что этические наставления, встроенные в домашний кодекс Послания к Ефесянам, настолько «противоположны» греко-римскому миру, что вместо того, чтобы быть знаком приспособления, «домашний кодекс представлен как то, что в конечном счёте отличает верующих». Если читать их правильно, домашние кодексы, как пишет Ши-Минь Лу, освобождают не только женщин — они освобождают всех членов дома от «угнетающих элементов» римского мира. Павел не навязывал христианам римский патриархат; Павел использовал ремикс Иисуса, чтобы сказать христианам, как Евангелие делает их свободными.

Итак, давайте посмотрим на ремикс Иисуса в двух похожих отрывках домашних кодексов у Павла:

[Кол. 3:18-19] ***Жёны, подчиняйтесь своим мужьям, как подобает в Господе. Мужья, любите своих жён и не будьте к ним жестоки.***

[Еф. 5:21-22, 25, 28, 33] ***Подчиняясь друг другу в страхе Христовом. Жёны, подчиняйтесь своим мужьям, как Господу.*** … ***Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил собрание и отдал Себя за него, … Так и мужья должны любить своих жён, как свои собственные тела. … Впрочем, и вы, каждый из вас, да любит свою жену, как самого себя; а жена пусть боится мужа.***

Как современные христиане, мы сразу слышим мужскую власть. Жёны, подчиняйтесь своим мужьям. Однако первые слушатели Павла, христиане первого века, сразу услышали бы противоположное. Мужья, любите своих жён и никогда не обращайтесь с ними грубо. Мужья, любите своих жён, как Христос возлюбил Церковь и отдал Себя за неё. Акцент христианских домашних кодексов сегодня уже не тот же самый, что в римском мире.

Возьмём, например, философа Аристотеля, жившего в четвёртом веке до Р. Х. В своей «Политике» Аристотель написал то, что должно было стать одним из самых влиятельных текстов о домашнем порядке в западной культуре. Послушайте, что он сказал:

Что касается управления домом, то мы видели, что у него три части: одна — власть господина над рабами …, другая — власть отца, а третья — власть мужа. Муж и отец, как мы видели, властвует над женой и детьми, которые оба свободны, но власть эта различна: власть над детьми — царская, над женой — государственная (конституционная). Ибо хотя и могут быть исключения из порядка природы, мужчина всё же по природе более способен к власти, чем женщина. … Неравенство [между мужчиной и женщиной] постоянно. … Мужество мужчины проявляется в повелевании, мужество женщины — в повиновении. … Все сословия следует рассматривать как наделённые своими особыми свойствами; как говорит поэт о женщинах: «Молчание — слава женщины, но не в равной мере слава мужчины».

Слышите разницу? Аристотель пишет именно мужчинам о том, как им следует властвовать и почему у них есть право властвовать. Подчинённых он в разговор не включает. Управление домом — сфера римского мужчины как господина, отца и мужа. Слово обращено только к мужчинам.

Напротив, христианские домашние кодексы обращаются ко всем людям в домашней церкви — к мужчинам, женщинам, детям и рабам. Каждый включён в разговор. Богослов Люси Пеппиатт пишет, что в этом «ключ» к христианскому подрыву римского патриархата. Поскольку христианские домашние кодексы обращены ко всем членам римского дома, вместо того чтобы предполагать опеку главы-мужчины, «они содержат в себе переворот привычных положений, отводимых мужчинам, женщинам, рабам и детям, и ожиданий, которые к ним предъявляются». Вместо того чтобы наделять властью мужчину, который говорит и действует за людей своего дома, христианские домашние кодексы дают каждому члену домашней общины — связанной друг с другом верой во Христа — право самому слышать и действовать. Это радикальное отличие от римской патриархальной структуры. Христианская структура домашней церкви противостоит патриархальному миру Римской империи.

Потому что Павел не стремился подчеркнуть мужскую власть

То, как христианские домашние кодексы оформляют мужскую власть, тоже можно читать как противоречие римскому патриархату. Аристотель писал, чтобы оправдать мужскую власть. Он подчёркивал постоянное неравенство между мужчинами и женщинами: природа мужчины — повелевать, а природа женщины — повиноваться. Христианские домашние кодексы делают нечто иное. В Кол. 3 Павел открывает свои указания о доме призывом, обращённым прежде всего к жёнам, — а не к мужчине, за которым, предположительно, последнее слово (как это делает Аристотель). И Пеппиатт, и Скот Макнайт подчёркивают, что Павел не выдвигает на первый план силу и власть мужчины. Вместо этого Павел подчёркивает, что жёны должны подчиняться, как подобает в Господе (а не потому, что они неполноценны), и что мужья должны любить своих жён и не обращаться с ними жёстко. «Вместо того чтобы обосновывать указание жене властью, силой, руководством или статусом её мужа в иерархии, — пишет Макнайт, — обоснование радикально иное: оно коренится в образе жизни Господа». Руководство христианским домом принадлежит Иисусу, а не римскому ***paterfamilias***.

Точно так же и Еф. 5 можно читать как сопротивление римскому патриархату. Многие учёные утверждают, что Павел подчиняет всё своё рассуждение о домашних кодексах стиху 21: «Подчиняйтесь друг другу в страхе Христовом». Если прочитать этот стих в начале домашнего кодекса Послания к Ефесянам, он меняет всё. Да, жёны должны подчиняться, но и мужья тоже. Вместо того чтобы подчёркивать неполноценность женщин, Еф. 5 подчёркивает равенство женщин: в стихе 22 они призываются подчиняться точно так же, как их мужья призываются подчиняться в стихе 21. Вместо того чтобы делать христиан просто ещё одной частью римской массы (где подчёркивается подчинение женщин), взаимное подчинение в стихе 21 «характерно для образа жизни, который отличает верующих от неверующего мира».

Из-за его радикальных следствий в переводах Библии, которые хотят сохранить комплементарный (иерархический) взгляд, стих 21 приходится отделять от стиха 22.[3] English Standard Version (ESV) помещает стих 21 в конец раздела, который переводчики озаглавили «Walk in Love». Это отделяет стих 21 от начала следующего раздела с заголовком «Жёны и мужья», который тогда начинается со стиха 22: «Жёны, подчиняйтесь своим мужьям, как Господу». Таким образом ESV решает выделить подчинение женщин в стихе 22 и буквально отделяет его от Павлова подрыва римского патриархата в стихе 21.

То, что переводчики ESV сделали в Еф. 5, напоминает мне критику археолога Иэна Морриса в адрес афинских мужчин классической Греции. Не случайно, пишет Моррис, археологи находят мало вещественных свидетельств о женщинах в древних Афинах. «Женщины и рабы остаются невидимыми», но причина не в «методологических проблемах» или неправильном отнесении свидетельств учёными. Греческий город-государство с его «необычайно всепроникающей мужской гражданской культурой» не только порабощал женщин, но и так хорошо контролировал пространства, в которых жили женщины, что от них осталось мало следов. Женщины остаются невидимыми, потому что «так хотели мужчины — граждане Афин». Подчинение женщин в переводе ESV Еф. 5 выделено, а призыв к мужьям подчиняться приглушён — не потому, что так имел в виду Павел, а потому, что так хотели комплементарные переводчики ESV.

Еф. 5:21 — не единственный радикальный переворот римского патриархата в этой главе. Павел также требует, чтобы мужья любили своих жён, как любят собственное тело. Знали ли Вы, что в греко-римском мире женское тело считалось несовершенным и уродливым мужским телом? В своём сочинении «О возникновении животных» Аристотель пишет, что «женское существо есть как бы изуродованное мужское» и что «поскольку женская природа слабее и холоднее … нам следует рассматривать женское состояние как своего рода уродство». Женщины были в буквальном смысле чудовищами. Разумеется, Аристотель признавал, что женское уродство — «закономерное» и полезное явление. Гален во втором веке по Р. Х. также объявлял женщин несовершенными мужчинами, которым не хватило жара, чтобы вытолкнуть свои половые органы наружу. Но, как и Аристотель, он допускал, что хорошо, что существовали уродливые мужчины, ибо иначе продолжение рода было бы невозможно.

Павел же, напротив, не проявляет ничего из этого презрения к женскому телу. Он провозглашает, что мужские тела не ценнее и не достойнее женских. Женщины, как и мужчины, могут быть «святыми и непорочными», и мужчины должны любить женское тело так же, как любят собственное мужское тело (Еф. 5:27-29). Я рассказываю своим студентам, как легко изучение Павла опровергает утверждение Джона Пайпера, что христианство имеет «мужской характер». Можно было бы подумать, что Павел станет хвалиться своей мужской властью, но он этого не делает. Как обнаружила Беверли Робертс Гавента, Павел семь раз в своих посланиях использует материнские образы, чтобы описать свои отношения с церквями, которые он помог основать. «Статистически это означает, что Павел использует материнские образы чаще, чем отцовские, что впечатляет, особенно если учесть, что в большинстве дискуссий о Павловых посланиях они практически не встречаются». Павел описывает себя — апостола-мужчину — как беременную мать, как рождающую мать и даже как кормящую мать.

Павел не только считает женское тело ценным — он также готов «отказаться от власти патриарха ради роли, которая навлечёт на него позор, позор мужчины, отождествляющего себя с женщиной». Как прекрасна, как радикальна весть Павла! Я даже не могу представить себе, насколько желанными его слова должны были быть для женщин в церквях первого века. То, что делало женское тело слабым в римском мире, делало его сильным в писаниях Павла. Принимая литературный облик женщины, Павел воплощал радикальное утверждение своих собственных слов в Гал. 3:28, что во Христе «нет мужского пола и женского».

Средневековые христиане подхватывали материнскую образность Павла так, как этого не делают современные христиане. Гавента отмечает, что лишь немногие современные учёные обратили внимание на поразительную материнскую образность Павла. Напротив, историк Кэролайн Уокер Байнум была настолько впечатлена частотой материнской образности, которую использовали священнослужители-мужчины в двенадцатом веке, что написала новаторское исследование Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages. «Вопрос, который я хотела бы задать, — пишет она, — состоит в том, почему использование явных и подробных материнских образов для описания Бога и Христа, которых обычно описывают как мужчин, так популярно у цистерцианских монахов двенадцатого века». Она называет Ансельма Кентерберийского, бенедиктинского монаха, по своему отношению к женщинам скорее патриархального, одним из первых средневековых клириков, подхвативших материнскую образность Павла. В явной опоре на слова Павла в 1 Фес. 2:7 и Гал. 4:19 Ансельм пишет: «Ты [Павел] среди христиан как кормилица, которая не только заботится о своих детях, но и заботой своей дивной любви рождает их во второй раз». То, что современные евангелики не замечают радикального использования

Павлом материнских образов, не означает, что их нет. Это означает лишь, что мы снова неправильно поняли Павла.

Потому что Павла заботила не римская иерархия полов

Ещё одно свидетельство, убеждающее меня в том, что домашние кодексы следует читать как своего рода сопротивление римскому патриархату, — то, как ранних христиан воспринимал римский мир: как «нарушителей норм пола». Осиек и Макдональд напоминают нам, что Плиний Младший, рассказав о пытках двух христианских женщин, которых он назвал диаконниссами, назвал христианство «развращённым и непомерным суеверием». Они пишут: «Обращая внимание на своего рода женское руководство в группе — и не упоминая мужчин-руководителей, — Плиний давал понять, что идеалы мужественности оказались под угрозой. Контроль был в руках женщин». А с римской точки зрения это было постыдно. Ранние христиане не только ставили женщин на руководящие роли; они также собирались на равных — мужчины, женщины, дети и рабы — в частной сфере дома, традиционно женском пространстве. Христианство было отклонением от нормы и безнравственным, потому что считалось подрывом идеалов римской мужественности. Христианство было противно Плинию потому, что оно не придерживалось римских домашних кодексов, — а не потому, что следовало им.

Для многих современных христиан домашние кодексы — это то, что отличает нас от мира. В то время как вокруг нас, как многие считают, хаотично бушует феминизм, евангельская церковь стоит, как ухоженное дерево, посаженное при потоках вод, — твёрдо и спокойно, с иерархией ветвей. Именно так это формулируют Джон Пайпер и Уэйн Грудем в Recovering Biblical Manhood and Womanhood. Во введении они пишут: «Мы хотим помочь христианам вновь обрести возвышенное видение мужественности и женственности, какими их сотворил Бог. … Мы надеемся, что это новое видение — видение библейской «комплементарности» — и исправит прежние ошибки, и позволит избежать противоположных ошибок, проистекающих из феминистского размывания данных Богом различий между полами». Только вот мир Павла в первом веке не увидел бы в римской иерархии полов «нового видения». Римская патриархальная структура, отражённая в домашних кодексах Павла, не была «новым видением». ***Признание власти paterfamilias было тем, что римский мир уже делал. Патриархат не был чем-то, что делало христиан иными; он был тем, что делало их такими же, как все остальные.***

Новозаветные домашние кодексы рассказывают историю о том, как ранняя церковь пыталась жить в нехристианском и всё более враждебном мире. Христианам нужно было вписаться, но им также нужно было высоко держать Евангелие Христа. Им нужно было по возможности сохранять рамки римского патриархата, но им также нужно было высоко держать ценность и достоинство каждого человека, сотворённого по образу Божьему. Павел дал им чертежи для ремикса римского патриархата. Вместо того чтобы обращаться к мужчинам как к главной власти, христианские домашние кодексы включают в разговор каждого. Вместо того чтобы оправдывать мужскую власть неполноценностью женщин, христианские домашние кодексы утверждают женщин как равноценных мужчинам. Вместо того чтобы сосредоточиваться на подчинении жены (это делали все), христианские домашние кодексы требуют от мужа делать прямо противоположное тому, что позволял римский закон: жертвовать своей жизнью ради жены, вместо того чтобы осуществлять власть над её жизнью. Это, пишет Пеппиатт, и есть «христианская революция». Именно это отличает христиан от окружающего нас мира.

Может быть, мы поняли Павла с точностью до наоборот? ***Что, если его внимание никогда не было сосредоточено на мужчине как главе и на подчинении женщины? Что, если его видение было больше, чем мы себе представляли? Что, если Павел, вместо того чтобы копировать античную иерархию полов, хотел показать нам, как христианское Евангелие освобождает даже римский дом?***

Несколько лет назад мой муж был за городом на выездном лагере со многими нашими старшеклассниками. Мужчина, который обычно вёл молодёжную воскресную школу, куда ходили все подростки, не поехавшие в те выходные в лагерь, заболел. Я была единственным доступным вариантом. Меня это устраивало. Я люблю преподавать, и в то время я была на пике своего мастерства. Каждую неделю я вела не только шесть групп студентов бакалавриата в Бейлорском университете, но и старшеклассниц по средам вечером, а также встречалась как наставница с аспирантами, студентами и подростками. Преподавание, даже экспромтом, стало для меня второй натурой.

Но руководители нашей церкви ясно дали понять, что женщинам нельзя учить мужчин — и точка. А мужчиной для них человек становился в тринадцать лет. Поэтому мне пришлось позвонить пастору. Мне пришлось объяснить ситуацию и попросить особого разрешения заменить учителя-мужчину в классе, полном юношей и девушек подросткового возраста. После долгой паузы мне сказали, что это допустимо, если я только пройдусь по вопросам к проповеди прошлой недели и буду выступать как ведущая — а не как учительница. Мне стоило огромного усилия просто сказать «спасибо» и повесить трубку.

Уверена, отчасти тут была замешана моя гордость. Вот она я — профессор с докторской степенью крупного исследовательского университета (моя вторая специальность — религиоведение), и мне говорят, что я не могу вести воскресную школу для старшеклассников. Да, это задело мою гордость. Но это была не единственная причина, по которой я была раздосадована. Дело было и в том, что я считала, что пастор ошибается. ***Мне нельзя было учить, потому что он считал, что Павел велел женщинам молчать и не осуществлять власти над мужчинами. Что, если Павел никогда этого не говорил? Что, если мы, точно так же как с домашними кодексами, просто неправильно поняли Павла, потому что забыли его римский контекст? Что, если мы спутали опровержения Павлом окружающего его языческого мира с собственными словами Павла?***

Потому что Павел не говорил женщинам, что они должны молчать

Поскольку я историк, я знаю, что в посланиях Павла есть больше, чем то, что говорят его слова. Павел писал церквям, которые хорошо знал. Он их знал. «Эти вопросы не возникают из ничего», — напоминает нам Гавента в связи с Первым посланием к Коринфянам. Павел знал их борьбу, их людей, их возмутителей спокойствия. Нам не нужно глубоко погружаться в историю, чтобы понять основы вести Павла. Мы можем увидеть, что внутри коринфской церкви возникло соперничество из-за ценности различных духовных даров (как один пример). Мы, возможно, не знаем подробностей из первых рук — кто возгордился и кто предпочитал пророчество говорению на языках, — но мы знаем, как Павел их вразумлял: все их дары исходят от одного и того же Духа, все их дары действуют внутри одного и того же Тела, и ни один из их даров не действует независимо. Мы ясно слышим весть Павла: в Теле Христовом мы все одинаково важны. Расстояние более чем в две тысячи лет не затемняет её смысла.

И всё же, если мы игнорируем исторический контекст посланий Павла, мы можем исказить их смысл и превратить его кротовые кочки в горы. Превосходный пример даёт 1 Кор. 14:33-36: «Как во всех церквях святых, женщины пусть молчат в собраниях, ибо им не позволено говорить, но пусть подчиняются, как говорит и закон. Если же они хотят чему-нибудь научиться, пусть спрашивают дома своих мужей; ибо стыдно жене говорить в собрании. Или от вас вышло слово Божье? Или к вам одним достигло?»

Павел объявляет, что женщины должны молчать, подчиняться и полагаться на духовную власть своих мужей. Так ли это? Этот отрывок стал для современных евангеликов огромной горой, ему придают больше значения, чем, по моему мнению, когда-либо намеревался Павел. Он стал основополагающим текстом комплементарного учения. Давайте посмотрим, как лучшее понимание римской истории может изменить то, как мы толкуем этот отрывок.

В 215 году до Р. Х. побеждённый и стеснённый в средствах Рим принял новый закон. Фоном послужило величайшее военное поражение Рима за всю его историю. Годом ранее, 2 августа, карфагенский полководец Ганнибал во Второй Пунической войне уничтожил римскую армию при Каннах. Источники сообщают, что в тот день погибло от пятидесяти до семидесяти тысяч римских солдат. Это больше, чем в некоторых из самых кровопролитных сражений Второй мировой войны. Римский историк первого века Ливий восклицал: «Поистине, нет другого народа, который не рухнул бы под таким бременем бедствий». Только вот Рим не был подобен другим народам (именно к этому и вёл Ливий). Рим не рухнул. Римляне затянули пояса, собрали новую армию и продолжили борьбу. Рим был воплощением решимости.

Мои студенты знают, что я не люблю чистую военную историю. Поэтому, когда я начинаю рассказывать подобную историю, они знают, что скоро в игру вступят женщины. Так и происходит. Меры экономии Рима привели к жёстким мерам против растущей группы независимых состоятельных женщин — жён и дочерей, выигравших от внезапного сокращения числа опекунов-мужчин. Рим, вероятно, сделал это по двум причинам (историки до сих пор спорят об этом). Одной причиной, несомненно, были военные нужды. Риму нужны были деньги от всех. Поэтому был принят Оппиев закон. Женщинам больше не разрешалось роскошно одеваться, ездить в повозках (в Риме), кроме как по особым случаям, или владеть более чем половиной унции золота. Некоторым даже пришлось отдать государству наследство, полученное во время войны. Этих женщин побуждали тратить больше денег на Рим и меньше на себя.

Вторая причина, по которой Рим, вероятно, издал Оппиев закон, состояла в том, чтобы ограничить публичную демонстрацию богатства женщинами. После битвы при Каннах Рим был в трауре. Это было не время устраивать праздники и носить нарядные платья. Это было время задраить люки и сражаться насмерть (что они в общем и целом и сделали). И прежде всего это было не время, когда у женщин больше денег, чем у мужчин. Рим был патриархальным обществом, как мы уже видели, и римские матроны — замужние женщины, находившиеся под опекой мужей, — символизировали успех римского общества. Независимые состоятельные женщины, свободные от мужского руководства, его не символизировали.

Рим, между прочим, победил.

Но когда кризис миновал, закон, ограничивавший богатство женщин, остался в силе, тогда как законы, ограничивавшие богатство мужчин, были отменены. К 195 году до Р. Х. женщинам в

Риме это надоело. Они протестовали, перекрывали улицы и даже подходы к форуму и требовали отмены закона.

Один консул, Катон Старший, был против отмены закона. Послушайте, что он сказал, и учтите, что Ливий, вероятно, записал его речь во время правления Цезаря Августа (с 27 года до Р. Х. по 14 год по Р. Х.):

Дома наша свобода сломлена женским неистовством, здесь, на форуме, её попирают ногами, и, поскольку мы не обуздали каждую в отдельности, теперь мы боимся их всех вместе. … Право, я покраснел, когда недавно проходил прямо сквозь толпу женщин. … Мне следовало бы сказать: «Что это за поведение? Бегать по городу у всех на виду, перекрывать улицы и заговаривать с чужими мужьями! Разве вы не могли бы спросить о том же дома своих собственных мужей? Разве вы на людях любезнее с чужими мужьями, чем дома со своими? Но ведь и дома вам не подобает заботиться о том, какие законы здесь принимаются или отменяются». Наши предки не хотели, чтобы женщины вели какое бы то ни было дело — даже частное — без опекуна; они хотели, чтобы женщины находились под властью родителей, братьев или мужей; мы же (да помогут нам боги!) позволяем им теперь даже стремиться к управлению государством и вмешиваться в дела форума и наших собраний. Что они делают сейчас на улицах и перекрёстках, как не уговаривают трибунов голосовать за отмену? … Если они победят теперь, чего только они не попытаются сделать? Как только они начнут быть вам равными, они станут выше вас.

Ливий записал эту речь Катона в своей истории Рима. Плиний Младший, писавший в конце первого века, изображает Ливия знаменитостью. Ливий был популярным писателем, и его история, должно быть, была очень хорошо известна. Поэтому меня как историка не удивляет, что отзвуки Ливия появляются в Новом Завете. Послушайте ещё раз 1 Кор. 14:34-35: «Женщины пусть молчат в церквях. Ибо им не позволено говорить, но пусть подчиняются, как говорит и закон. Если они желают что-то узнать, пусть спрашивают дома своих мужей. Ибо стыдно женщине говорить в церкви». Нет, это не дословно. Но очень близко. Явный отзвук. Иными словами: Павел черпает здесь из своего римского окружения.

Речь Катона — не единственный римский текст, выражающий такой взгляд на женщин. Новозаветник Чарльз Талберт напоминает нам, что Ювенал (начало второго века по Р. Х.) в своей 6-й сатире тоже осуждает женщин, которые разгуливают на людях и вмешиваются в государственные дела мужчин, вместо того чтобы оставаться дома. Римский мир считал женщин подчинёнными мужчине. Римский мир заявлял, что мужья должны сообщать своим жёнам сведения дома, а не женщины должны разгуливать на людях. Римский мир велел женщинам молчать на публичных собраниях.

Павел был образованным римским гражданином. Он, по-видимому, был знаком с обычной в то время риторической практикой исправлять ложное понимание, сначала цитируя его, а затем опровергая. Павел делает это в 1 Кор. 6 и 7 со своими цитатами «всё мне позволительно», «пища для чрева, и чрево для пищи» и «хорошо человеку не касаться женщины». В этих случаях Павел цитирует ошибочные взгляды языческого мира, такие как «всё мне позволительно». Затем Павел сильно их видоизменяет. Павел, должно быть, был знаком с современными ему взглядами на женщин, в том числе со взглядом Ливия, что женщины должны молчать на людях и получать сведения дома от своих мужей. Разве не возможно, как утверждала Пеппиатт, что Павел в 1 Кор. 11 и 14 делает то же самое, что и в 1 Кор. 6 и 7? Опровергает дурные практики, цитируя эти дурные практики, а затем исправляя их? Пеппиатт пишет: «Запреты для женщин в Послании к Коринфя-

нам — это примеры того, как коринфяне обращались с женщинами в соответствии со своими собственными культурными ожиданиями и ценностями, вопреки учению Павла».

Что, если Павел был настолько обеспокоен тем, что христиане в Коринфе навязывали женщинам свои собственные культурные ограничения, что он обратился к ним по этому поводу? Он процитировал дурную практику, которую коринфские мужчины хотели перенести из римского мира в свой христианский мир, а затем выступил против неё. Revised Standard Version (RSV) подкрепляет предположение, что Павел сделал именно это. Сначала Павел излагает культурные ограничения: «Как во всех церквях святых, так и женщины пусть молчат в церквях. Ибо им не позволено говорить, но пусть подчиняются, как говорит и закон. Если они желают что-то узнать, пусть спрашивают дома своих мужей. Ибо стыдно женщине говорить в церкви» (1 Кор. 14:33-35). А затем Павел вмешивается: «Что! Разве от вас вышло слово Божье, или вы единственные, к кому оно достигло? Если кто думает, что он пророк или исполнен Духа, пусть признает, что то, что я пишу вам, — заповедь Господня. Если же кто этого не признаёт, тот и сам не признан. Итак, братья мои, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, и не запрещайте говорить языками; но всё пусть происходит благопристойно и по порядку» (ст. 36-40).

Я часто делаю это на занятиях в качестве упражнения. Я прошу студента прочитать из его собственного перевода, обычно из ESV или NIV. Затем я читаю вслух из RSV, соответствующим образом выделяя слова голосом. Когда я затем восклицаю: «Что! Разве от вас вышло слово Божье?», я обычно слышу, как весь класс ахает. Однажды одна студентка громко воскликнула: «Доктор Барр! Это же всё меняет!» Да, сказала я ей, так оно и есть.

Если читать 1 Кор. 14:34-35 как цитату, представляющую коринфскую практику (в пользу чего выступали Д. У. Оделл-Скотт в 1983 году, Чарльз Талберт в 1987 году [примечание немецкого переводчика: также Томас Ширрмахер в 1991 году, а Кэтрин Бушнелл ещё 100 лет назад] и в последнее время снова Пеппиатт), то намерение Павла, кажется, ясно: отличить то, что делали коринфяне («женщины молчат»), и пояснить, что христиане не должны следовать коринфской практике («Что!»). Хотя я не могу гарантировать, что Павел делал именно это, это (исторически) очень осмысленно. Первое послание к Коринфянам уже содержит несколько цитат, не принадлежащих Павлу, а формулировка стихов 34-35 поразительно близка к римским источникам. Марг Мовчко замечает: «Взгляд, согласно которому 14:34-35 — это цитата, не принадлежащая Павлу, — один из немногих, дающих правдоподобное объяснение резкой смене тона, которую стихи 34-35 вносят в текст, а также последующей резкой смене темы, тона и грамматического рода в стихе 36». Если Павел действительно цитирует римское мировоззрение, чтобы противопоставить ему христианское мировоззрение, то его смысл прямо противоположен тому, чему учили евангельских женщин.

Может быть, Павел, вместо того чтобы говорить женщинам молчать, как это делал римский мир, на самом деле хотел сказать мужчинам, что в мире Иисуса женщинам можно говорить? Может быть, мы (в очередной раз) упустили, к чему вёл Павел? Вместо того чтобы принять к сердцу его упрёк и позволить женщинам говорить, мы продолжаем именно те патриархальные практики, которые Павел осудил?

Мне как историку трудно не замечать, насколько слова Павла похожи на греко-римский мир, в котором он живёт. Но даже если я ошибаюсь и Павел лишь опирается на римские источники, а не намеренно цитирует их с целью опровержения, я всё равно утверждала бы, что указания, которые Павел дал коринфским женщинам, ограничены их историческим контекстом. Почему? По-

тому что непротиворечивость — добродетель хорошего толкования (то есть согласие высказываний всей главы, всего послания и всего Нового Завета). Павел не издаёт огульного указа, что женщины должны молчать; во всех своих посланиях он позволяет женщинам говорить (1 Кор. 11:1-6 — хороший тому пример). Павел не ограничивает руководство женщин; он сам говорит нам, что женщины руководили в ранней церкви и что он поддерживает их служение (Рим. 16 я буду обсуждать в следующем разделе). Закрепление жёсткой иерархии полов просто не является заботой Павла. Как напоминает нам Беверли Робертс Гавента в связи с более ранним местом Первого послания к Коринфянам (12:1-7), у Павла «призвание к служению не ограничено по признаку пола, так что доводы о комплементарности не находят здесь основания». ***Настаивая на том, что Павел велел женщинам молчать, евангелики в очередной раз капитулировали перед патриархальной культурой. Вместо того чтобы выбросить за борт Аристотеля (к чему нас когда-то призывала Рэйчел Хелд Эванс), мы выбросили за борт свободу во Христе, которую Павел так старался нам дать.***

Потому что библейские женщины у Павла не соответствуют нашему образу библейской женщины

В конце концов меня переубедили именно женщины Павла в Рим. 16.

Я до сих пор помню то воскресенье, когда у меня всё встало на свои места. После проповеди я была взволнована. Так взволнована, что принялась мыть посуду. Текущая вода успокаивала мои чувства, пока я оттирала тарелки после обеда. Муж понял, что что-то не так (мытьё посуды было явным признаком). Он пришёл на кухню. Он не сказал ни слова. Наконец заговорила я. «Я не верю в то, что муж — глава». Он прислонился к кухонной столешнице. Я не могла на него смотреть. Прошло ещё какое-то время, и потом он спросил: «Ты не веришь, что мужчины призваны быть духовными руководителями дома?» Я покачала головой. «Нет». Он постоял ещё минуту, а потом просто сказал «Хорошо» и ушёл. Я знала, что он в этом со мной не согласен — он вырос в комплементарной церкви и учился в комплементарной семинарии. И всё же он был готов выслушать и рассмотреть иную богословскую точку зрения. Я навсегда благодарна за доверие, которое он оказал мне в тот день.

Последней каплей была, собственно, не проповедь, хотя я помню, что речь в ней шла о мужском руководстве. Последней каплей стала лекция, которую я недавно прочитала в своём курсе по истории женщин. Мы говорили о женщинах в ранней церкви, хронологически продвигаясь от античного мира к Средним векам. Повинуясь внезапному порыву, я попросила одного из студентов открыть свою Библию и прочитать вслух Рим. 16 (в христианском университете я всегда могу рассчитывать на то, что хотя бы у одного студента в руках Библия). Я попросила класс слушать и записывать каждое женское имя, которое они услышат.

Это был впечатляющий педагогический момент — для студентов и для меня. Я знала, что эти стихи полны женщин, но я ещё никогда не слушала, как их имена читают вслух, одно за другим.

Фива, диаконисса, которая доставила послание Павла и прочитала его вслух в своей домашней церкви.

Приска (Прискилла), чьё имя упоминается раньше имени её мужа (нечто весьма примечательное в римском мире), как сотрудница Павла.

Мариам, деятельная труженица для Евангелия в Асии.

Юния, прославившаяся среди апостолов.

Трифена и Трифоса, соратницы Павла в Господе.

Возлюбленная Персида, которая тоже усердно трудилась для Господа.

Мать Руфа, Юлия и сестра Нирея.

Павел воздаёт честь десяти женщинам.

Семь женщин отмечены за своё служение: Фива, Прискилла, Мариам, Юния, Трифена, Трифоса и Персида. Одна женщина, Фива, названа диакониссой. Кевин Мэдиган и Кэролин Осиек пишут, что Фива — «единственная диаконисса церкви первого века, чьё имя мы знаем». Другая женщина, Юния, названа не просто апостолом, а той, кто выделяется среди апостолов.

Знаете ли вы, спросила я своих студентов, что в Рим. 16 по своему служению названо больше женщин, чем мужчин? Мы сидели и смотрели на имена этих женщин. «Почему?» — вдруг вставила одна студентка, так погружённая в лекцию, что даже не подняла руку. «Почему я не замечала этого раньше?» Вероятно, потому, что английский перевод Библии, которым вы пользуетесь, размывает деятельность женщин, сказала я ей и начала ещё одно объяснение.

Я слушала саму себя, читая в тот день лекции. Я слушала, как привожу доказательства того, как английские переводы Библии затушёвывают руководящую роль женщин в ранней церкви. Я слушала, как вместе с классом прохожу различные переводы Рим. 16.

Возьмите, например, Ryrie Study Bible, изданную в 1986 году издательством Moody Press (есть и в немецком переводе). У моего дедушки была эта Библия, и его экземпляр стоит у меня на полке. Вместо того чтобы признать Фиву диакониссой, она переводит её функцию словом «служительница». Послушайте учебное примечание: «Слово, переведённое здесь как «служительница», часто переводят как «диаконисса», что приводит некоторых к предположению, что Фива была диакониссой. Однако более вероятно, что слово употреблено здесь в неофициальном смысле помощницы». «Вы это заметили?» — спросила я своих студентов. Не приводится никакого доказательства, почему роль Фивы следует переводить словом «служительница», а не «диаконисса». Не приводится никакого доказательства, почему слово употреблено скорее в «неофициальном смысле помощницы». Мы можем догадаться о причине выбора перевода: дело в том, что Фива была женщиной, и поэтому предполагается, что она не могла быть диаконом. Если бы формулировка «диакон церкви в Кенхреях» следовала за мужским именем, я сильно сомневаюсь, что значение слова «диакон» когда-либо было бы поставлено под вопрос.

Пока я преподавала, я думала о своей собственной церкви. О том, что женщины редко появлялись на сцене, кроме как для того, чтобы петь или играть на инструменте. Я думала о том, что женщины руководили нашей детской воскресной школой, а мужчины — работой со взрослыми. Я думала о том времени, когда меня попросили вести класс воскресной школы для взрослых и пастор пришёл просмотреть мои материалы. Поскольку я преподавала только историю церкви, он мне это позволил. Если бы я, однако, разбирала библейский текст, это была бы совсем другая история.

Я помню, что чувствовала себя лицемеркой, стоя перед своей студенческой аудиторией.

Вот я стояла и проводила своих студентов через убедительные исторические доказательства того, что проблема с женщинами в руководстве была не в Павле; проблема в том, как мы неправильно поняли и затемнили Павла. Вот я показывала своим студентам, как женщины в ранней церкви действительно руководили и учили, даже в качестве диаконисс и апостолов. Юния, показывала я им, почти до Нового времени считалась апостолом, пока её имя не начали переводить мужским именем: Юниас. Новозаветник Элдон Джей Эпп составил две таблицы, охватывающие греческие издания Нового Завета от Эразма до XX века. Вместе таблицы показывают, что греческое имя Юния почти неизменно передавалось в женской форме — вплоть до двадцатого века, когда имя внезапно начали переводить как мужское Юниас. Почему? Гавента поясняет: «Эпп болезненно и раздражающе ясно показывает, что важным фактором в обращении с Рим. 16:7 в XX веке было предположение, что женщина не могла быть апостолом». Юния стала Юниасом, потому что современные христиане предполагали, что апостолом мог быть только мужчина. Как историк, я знала, почему женщины в посланиях Павла не соответствовали так называемым ограничениям, которые нынешние руководители церквей налагают на женщин. Я знала, что причина в том, что мы неправильно читаем Павла. Павел не непоследователен в своём отношении к женщинам; это мы сделали его непоследовательным своим толкованием. Как ясно показывает Рим. 16, в действительности дело обстоит так, что библейские женщины противоречат современным представлениям о библейском образе женщины.

Я всё это знала. И всё же я не возражала руководителям своей церкви, когда они утверждали, что у нас женщины не могут учить мальчиков старше тринадцати лет. Я всё ещё молчала.

Я продолжила свою лекцию. Историческая реальность та же самая и в случае Фивы, сказала я своим студентам. Павел называет её диакониссой. Никто не оспаривает текст — можно оспаривать лишь смысл текста. Ранние отцы Церкви признавали Фиву и женщиной, и диакониссой. Ориген, например, писал в начале третьего века, что титул Фивы «апостольской властью» доказывает, «что и женщины призываются на служение церкви, на каковое служение Фива была поставлена в церкви, что в Кенхреях. Павел даже с великой похвалой и признанием перечисляет её великолепные дела». Хотя мы, конечно, можем спрашивать, что Ориген имел в виду под «служением церкви», ясно, что Ориген принимал возложенную на Фиву роль. Столетием позже Иоанн Златоуст, проповедник с «золотыми устами», писал о том, какой великой честью было для Фивы быть упомянутой «прежде всех остальных», названной «сестрой» и отмеченной как «диаконисса». «И мужчины, и женщины», заключает Златоуст, должны «подражать» Фиве как «святой». В своей проповеди на 1 Тим. 3:11 Златоуст ясно показывает, что понимает женщин как диаконов точно так же, как и мужчин. Он пишет: «Также и женщины должны быть скромны, не клеветницы, трезвы, верны во всём. Некоторые говорят, что [Павел] говорит о женщинах вообще. Но этого не может быть. Зачем ему было вставлять посреди того, что он говорит, что-то о женщинах? Нет, он говорит о женщинах, имеющих сан диакона. «Диаконы должны быть мужьями одной жены». Это подобает и женщинам-диаконам, ибо это необходимо, хорошо и правильно, особенно в церкви».

Если такое открытое понимание женского руководства со стороны старейшины/пресвитера и диакона четвёртого века Вас удивляет, то историки церкви Мэдиган и Осиек напоминают нам, что так быть не должно: «В церквях Иоанна в Антиохии и Константинополе, — пишут они, — женщины-диаконы, или диакониссы, были хорошо известны». Описание Фивы как диакониссы не было для Златоуста чем-то удивительным, потому что некоторые из его добрых друзей четвёр-

того века были диакониссами. Мэдиган и Осиек действительно обнаружили 107 упоминаний (в надписях и литературе) о диакониссах в ранней церкви.

Конечно, сказала я своим студентам, не все в ранней церкви поддерживали женщин на руководящих должностях. Служение пресвитера — явное свидетельство того, как патриархальные предрассудки античного мира уже проникли в христианство. Помните, как Аристотель считал женское тело чудовищным и изуродованным? Церковные руководители перенесли эти идеи в постановления своих соборов и уже в пятом веке объявляли, что женские тела непригодны для руководства. Как пишут Мэдиган и Осиек, «культовая чистота связывается с мужчинами, нечистота — с женщинами. Это было самым сильным доводом против женщин-пресвитеров». К шестому веку, когда церковь распространилась по европейским землям и заменила старые светские центры римской власти священными должностями епископа и священника, женщины тоже пришли в движение — но назад, на своё прежнее место под властью мужчин.

«Доктор Барр, почему нас не учат этому в церкви?»

Я посмотрела на студентку, и у меня сжалось сердце. Большинство людей просто этого не знает, сказала я. Учебники для семинарий часто пишут пасторы — а не историки (и особенно не женщины-историки). Большинство людей, посещающих комплементарные церкви, не знают, что перевод в ESV, где Юния названа «хорошо известной апостолам» вместо «выдающейся среди апостолов», был сознательным ходом, чтобы не допускать женщин к руководству (Рим. 16:7). Люди считают, что женщины в ранней церкви были отстранены от руководства точно так же, как они отстранены от руководства в современной церкви. Церковь учит тому, что считает истинным.

Вот что я говорила вслух.

Чего я не сказала — и что вызвало у меня слёзы, когда я стояла в тот день у своей раковины, — так это то, что я знала истину. Я знала истину и всё же молчала в своей церкви. Я молчала, потому что боялась, что мой муж может потерять работу. Я боялась потерять наших друзей. Я боялась потерять наше служение.

Комплементаризм вознаграждает женщин, которые соблюдают правила. Молча, я помогала тому, чтобы мой муж оставался руководителем. Молча, я могла оказывать определённое влияние. Молча, я сохраняла дружбу и доверие окружающих меня женщин. Молча, я сохраняла удобную жизнь.

Но я знала правду о женщинах Павла. Я знала реальность: женщины, которых восхваляет Библия, — такие как Фива, Прискилла и Юния, — ставят под вопрос границы современного библейского образа женщины. Как историк, я знала, что женщин в моей собственной церкви не допускали к руководящим ролям, потому что римский патриархат снова просочился в раннюю церковь. Вместо того чтобы отбросить языческий Рим и ухватиться за Иисуса, мы сделали обратное — отказались от свободы Христовой и приняли угнетение античного мира.

Я закрыла кран в раковине и сложила посуду стопкой.

Мне пора было перестать молчать.

Примечания

1. В англоязычном мире комплементаризм означает взаимное дополнение мужчины и женщины, однако внутри иерархического порядка, в котором мужчина ведёт, а женщина следует, вернее, женщина не только соотнесена с мужчиной, но и подчинена ему — как следствие или выражение порядка творения. Бет Барр и переводчик вместе со многими другими христианами отстаивают взаимное дополнение мужчины и женщины без иерархического подчинения или главенства.
2. Лютер назвал эти тексты, упорядочивавшие жизнь в доме и отношения друг с другом, «домашними таблицами» (Haustafeln).
3. Так же и во многих немецких переводах.